

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

Когда мысленно обзоревать путь большого, своеобразного русского советского писателя Леонида Леонова как неотъемлемую составную часть истории нашей литературы послеоктябрьской поры, с особой силой чувствуешь правильность горьковской оценки природы его таланта: «А действительность он знает, как будто сам ее делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел».

Если отнестись к предыстории леоновского творчества его первые прозаические опыты — «Бурьга», «Конец мелкого человека», «Записи Ковякина», «Петушихинский пролом» и некоторые другие юморески произведения, — то, начиная с «Барсуков» до самого широкого по размаху действия и глубокого по раскрытию характеров романа «Русский лес», все наиболее сильные и зрелые произведения писателя — романы, повести, рассказы, пьесы, сценарные опыты, публицистика, — откликающиеся на самые сложные и острые проблемы, выдвинутые жизнью, образуют свою, отмеченную «лицом не общим выраженьем» струю в могучем потоке русской советской литературы.

Леонов никогда не отводит взгляда от наиболее сложных вопросов, которые ставит действительность. С молодых лет поняв и приняв новый общественный строй, рожденный в огне Октября, он непрерывно, настойчиво искал и уже к концу двадцатых годов нашел устойчивые критерии исторически правильной оценки событий и человеческих поступков в сложной динамике революционного преобразования всех устоев жизни.

Принадлежа к тому отряду русской интеллигенции, духовный мир которого формировался в трудные годы гражданской войны, нэпа, первых этапов социалистического строительства, Леонов с беспощадным сарказмом рисует фигуры прямых и скрытых врагов нового строя, таких, как Петрыгин, Штруф, Глеб Протоклитов, Грацианский. Столь же беспощаден он и в обрисовке тех персонажей своих прозаических и драматических произведений, которые представляют резко ненавистную ему среду дооктябрьского и пооктябрьского мешанства и обывательщины. — беспринципных существователей, жадных стяжателей, рефлектирующих эгоцентриков.

В большинстве произведений

Леонов с особой пристальностью разглядывает и изображает людей, выдвинутых на сцену исторического действия новой действительностью успешно строящегося социализма.

Петрыгиным и Штруфам, обывателям от искусства вроде Ксении из пьесы «Волк» и Ладыгина из комедии «Обыкновенный человек» противостоят Увадьев, Потемкин, профессор Скутаревский, Курилов, члены семьи Макавеевых, семья доктора Таланова, профессор Вихров и его дочь комсомолка Поля.

В раскрытии характеров этих положительных героев наиболее полно и убедительно сказались глубина и новизна подхода писателя к изображению и оценке событий и людей.

Обзорева жизненный путь Леонова, мы не можем не отметить таких — не прошедших бесследно для формирования его взглядов на жизнь — периодов, как участие в гражданской войне, огромная литературно-общественная и общественно-политическая деятельность, такие прямые «вторжения в жизнь», как поездка вместе с Н. Тихоновым, В. Луговским, Г. Санниковым в Среднюю Азию в пору коллек-

тивизации и борьбы с басмачеством.

В свете жизненной и писательской биографии Леонова видна закономерность того, что, посвятив свое творчество развивающейся в социализм действительности и направляющим ее развитие людям, писатель в годы Великой Отечественной войны сразу же нашел свое место в строю сражающегося народа. Его пламенная публицистика, его до сих пор не потерявшая своей силы воздевшая на человеческие сердца пьеса «Нашествие», его повесть «Взятие Великошумска» — убедительные тому доказательства.

Будучи, как и большинство наиболее талантливых советских писателей, продолжателем традиций классической литературы, Леонид Леонов никогда не идет по тропам, протоптанным другими. Он всегда — в зрелом периоде своего творчества — стремится сказать первое слово о том новом, что открывается его пытливому взгляду художника-социолога, художника-философа, считающего художественную литературу важнейшей отраслью человековедения.

О творчестве Леонова написаны многие книги и многие сотни статей у нас и за рубе-

жом. Произведения его достойно представляют нашу литературу в нынешней мировой литературной библиотеке. К его голосу мастера, глубоко и тонко оценивающего явления литературы, чутко прислушиваются во многих странах.

Несколько дней тому назад при встрече с Леонидом Максимовичем я, зная, как богаты его впечатления от многолетнего общения с самыми выдающимися людьми отечественной и зарубежной литературы, зная, как он ярко рассказывает о своих литературных встречах, спросил его: не пора ли сделать это богатство достоянием широких читательских кругов, в назидание современникам и на память потомству?

— Батенька мой, — сказал Леонид Максимович, — куда мне до мемуаров! Мне, чтобы выложить на бумагу все, что задумано, и без того потребует не меньше двадцати лет!

В день семидесятилетия зыскального мастера хочется пожелать, чтобы судьба щедро отпустила ему столько времени и молодости души, сколько нужно для воплощения всех его творческих замыслов.

Ал. СУРКОВ.

"Труда" Зиссес 1969, 1970